

Павел Владимирович Засодимский

Антон Попов

Павел Засодимский

АНТОН ПОПОВ

«Public Domain»

1899

Засодимский П. В.

Антон Попов / П. В. Засодимский — «Public Domain», 1899

«...Мне пришлось сидеть в карцере в начале декабря месяца. Из окна видны были только сугробы снега да деревья с голыми ветвями, увешанными инеем... Была темная зимняя пора. Дни стояли короткие: в 3 часа уже смеркалось, а мне дали на весь вечер одну сальную свечу. Я, разумеется, берег свечу и хотел зажечь ее, когда совсем стемнеет...»

Содержание

I	5
II	7
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Павел Владимирович Засодимский

Антон Попов (Тени прошлого)

I

Я живо помню тот вечер, когда познакомился с ним...

Это было на другой день по моем поступлении в гимназию.

Мальчики бегали по рекреационной зале, скакали через скамьи и столы, кричали, шумели, боролись, а я стоял за круглой железной печкой, прижавшись в уголок, и грустно смотрел в окно. Хмурые облака ползли по небу и только в одном месте, невысоко над землей, виден был небольшой клочок темной лазури, откуда ярко светила единственная звездочка. Я представил себе, как тихо и мирно теперь проходит вечер в моем родном деревенском доме; как голые деревья, запушенные снегом, заглядывают из сада в низкие окна столовой; как мама, может быть, теперь вспоминает обо мне, – и горько, горько заплакал...

Вдруг чья-то рука легла мне на плечо. Я оглянулся.

Потом в жизни я видал много красивых мужских лиц – блондинов и брюнетов, мальчиков, юношей и людей взрослых, но не было для меня на свете лучше, краше лица Антона Попова. Я так живо помню его, как будто он и теперь еще стоит передо мной и смотрит на меня своими кроткими голубыми глазами... Когда я впервые познакомился с ним, он был мальчик моих лет (то есть лет 12 или 13), среднего роста, довольно сильный, крепкий, коренастый. Иные говорили, что у него нос – «луковицей» и толстая губы; но я этого не находил... На щеках его часто играл легкий румянец. Его улыбка была очень приятна. Особенно же мне нравились его глаза – такие чистые, такие славные, как будто в них отражалось ясное майское небо.

Никогда ни с кем я не был так дружен, как с Антошей. Мы жили душа в душу и так крепко любили друг друга, как не часто любят друг друга даже родные братья.

Мы обещали всегда говорить друг другу сущую правду и верить друг другу во всем, в каждом слове; секретов и тайн между нами не полагалось; мы делились горем и радостью, думами и мечтами – так же точно, как делились книгами, тетрадами и классными заметками; в классе, в критические минуты, мы осторожно подсказывали друг другу; если один за что-нибудь оставался без обеда, другой старался, каким бы то ни было образом, накормить его остатками своей порции; между нами был заключен оборонительный союз... Все эти условия нашей дружбы, конечно, не были записаны на бумаге и никогда не высказывались в таком строгом порядке, в каком я перечислил их теперь; но они уже сами собой вытекали из наших понятий о дружбе. У друзей все должно быть общее: «что мое – твое, что твое – мое!» Изменить другу считалось позором; лишиться друга было великим горем...

В классе и в рекреационной зале мы сидели рядом; рядом же стояли в спальне и наши койки. Мы были в полном смысле – неразлучники. На правой руке, немного ниже локтя, мы выжгли у себя на коже ляписом по одному продолговатому кресту, наподобие могильного креста, – и этот рисунок должен был означать, что дружба наша «до гроба».

У многих из моих товарищей были друзья, но, кажется, никто из них не был так счастлив, как я, в своем выборе...

Мы крепко стояли друг за друга.

Я не отличался большой силой, и Антоша не раз, защищая меня от нападений, платился своими боками.

И доставалось ему за меня порядком: однажды ему больно ушибли голову, а в другой раз так сильно расшибли руку, что он с месяц носил ее на перевязи. И я тоже, помню, в свою очередь пострадал за него... Однажды, во время урока латинского языка, я стал ему подсказыв-

вать, а учитель не мог терпеть подсказыванья: он изловил меня на месте преступления и предал в руки инспектора. Инспектор посадил меня на сутки в карцер, на хлеб – на воду. Иному читателю, может быть, покажется шуточным делом просидеть несколько часов в карцере, но, в действительности, это было не так...

Карцером у нас служила небольшая комната в конце нижнего коридора. Я не знаю, что прежде было в этой комнате и для чего она предназначалась, только хорошо помню, что комната была очень мрачная, с закоптелой русской печью и с окном, выходившим в директорский сад; окно было защищено заржавевшей железной решеткой. В той части коридора, где находилась эта комната, сторожа редко проходили, особенно вечером; никакие живые звуки не доносились сюда; лишь изредка слышался где-то вдали стук захлопываемой двери. В те часы, когда вечерние сумерки спускались на землю и городской шум мало-помалу затихал, карцер казался совершенно удаленным от всякого общения с миром живых. Еще более мрачный, унылый характер придавало этому месту то обстоятельство, что сюда, до отпеванья, ставились покойники... Кроме кровати с голыми досками, небольшого стола и табурета здесь не было никакой мебели.

Мне пришлось сидеть в карцере в начале декабря месяца. Из окна видны были только сугробы снега да деревья с голыми ветвями, увешанными инеем... Была темная зимняя пора. Дни стояли короткие: в 3 часа уже смеркалось, а мне дали на весь вечер одну сальную свечу. Я, разумеется, берег свечу и хотел зажечь ее, когда совсем стемнеет.

И вот уже смерклось, отзвонили к вечерне, и, по моим предположениям, был уже час пятый. Я взял спичку и собирался осветить свой каземат, как вдруг какая-то темная фигура, по колени увязая в снегу, подошла к моему окошку. Я в ту же минуту вскочил на подоконник и растворил форточку.

– Это я! – слышался знакомый мне голос. – Я принес тебе кусочек пирога, говядины и булку... Получай!

И Антоша через форточку передал мне всю эту провизию.

– Скучно тебе? – спросил он, заглядывая в карцер.

– Скучно! – отвечал я. – А что у нас там делают?

– Теперь сели заниматься, а я улизнул к тебе...

– Спасибо! – сказал я, пожав ему руку, через решетку. – А ты в одной куртке... – Смотри, не простудись!

– Нет! Сегодня тепло... успокоил меня приятель.

– Беги же скорее! Завтра увидимся... Прощай!

– Прощай! – промолвил Антоша и отошел от окна, бредя по сугробам.

II

Я в шутку назвал Антошу Попова своею «совестью», потому что его советы и внушения почти всегда совпадали с указаниями того внутреннего голоса, который зовут совестью.

Года через два по моем поступлении в гимназию, как мне помнится, вышла, например, такая история.

Я был в хороших отношениях с одним товарищем, Васей Березкиным. Он был славный, простой парень, но несколько обидчивый; особенно он недолюбливал в товарищах барских замашек... Однажды я весь вечер пробился над какой-то запутанной математической задачей и никак не мог решить ее. Антоша, конечно, помог бы мне развязаться с задачей, но я из упрямства и самолюбия не обращался к нему. «Сам добьюсь!» – говорил я себе; но задача не давалась. Наконец, голова моя разболелась, я страшно устал и был раздражен.

После чая, надувшись, ходил я по зале, недовольный и злой, ворча на бегавших и шумевших вокруг меня мальчуганов: они мешали мне сосредоточиться на моей задаче. Впрочем, в те минуты мне все мешало: мешали даже скамейки, стоявшие вдоль обеденного стола, и я пинал их... Вдруг сзади кто-то наступил мне на пятку. Я вздрогнул, как ужаленный, и обернулся. За мною шел Вася Березкин, глаза по сторонам и что-то весело насвистывая себе под нос. Под влиянием своего раздражения я, не говоря ни слова, грубо оттолкнул его.

– Ты что... с ума сошел? – сердито проговорил он, с удивлением, как мне показалось, посмотрев на меня.

– А ты на ноги не наступай! – крикнул я, взбешенный.

– Скажите, пожалуйста... какая фря! – насмешливо отозвался Березкин, разозлившись в свою очередь. – На ногу ему не наступи!.. Ах, ты дрянь!

– Сам ты – дрянь!

Слово за слово, и разобрались самым основательным образом.

– Ты теперь не подходи ко мне! Слышишь? – крикнул Березкин.

– Я-то не подойду... сделай милость! Ты-то ко мне не прилезь! – огрызнулся я, с холодным презрением посмотрев на своего врага.

Обмен последними приветствиями означал, что между мною и Васей Березкиным уже «все кончено»... С этой минуты мы были «в ссоре», то есть не должны были обращаться друг к другу с просьбами, не должны были говорить друг с другом, и если бы когда-нибудь пришлось, волей-неволей, упоминать фамилию неприятеля, то следовало упоминать ее не иначе, как с самым невозмутимым равнодушием; с другой стороны, мы могли подстраивать один другому всякие мелочные каверзы, ставить друг друга в неловкое положение и, при случае, имели полное право подражаться вволю.

Когда после девяти часов мы, по обыкновению, сошли в спальню и улеглись на свои койки, я чувствовал себя очень скверно. Мне хотелось поскорее рассказать Антоше о моей ссоре с Березкиным, и, в тоже время, я медлил со своим признанием: я уже предчувствовал, что Антон Попов на этот раз окажется не на моей стороне.

– Антоша! Я хочу рассказать тебе что-то... – заговорил я, приподнимаясь и облакачиваясь на подушку.

– Что такое? – пробормотал Антоша, уже начинавший подремывать.

Тут я наклонился к нему и начал исповедываться в своих вечерних похождениях. Антоша протер глаза и старался внимательно выслушать меня до конца.

– Ты не прав! – позевывая, проговорил он, когда я закончил свое повествование. – Что ты, в самом деле, как собака, бросился на него... Ведь, он же, вероятно, не нарочно наступил тебе на ногу?

– Вероятно... Но он тоже ругал меня! – заметил я.

– И ты бранился? – переспросил Антоша.

– Да!..

Антоша закрыл глаза и лежал молча. Я пытливо, вопросительно смотрел на его спокойное лицо, тускло освещенное мерцанием сальной свечи, далеко висевшей на стене в железном подсвечнике.

– Как же теперь быть? – проговорил я шепотом. – Так в ссоре и оставаться?

Антоша поднял голову; его голубые глаза блеснули мне в полусумраке.

– Оставаться в ссоре? Что за вздор! – вымолвил он. – Завтра утром иди к нему и попроси прощенья. Я знаю: он и сам будет рад... ведь вы с ним были приятели!..

Антоша натянул на плечи свое красное байковое одеяло и скоро заснул спокойным, крепким сном. А я в тот вечер еще долго проворочался на своей койке и, полускрыв глаза, машинально следил за сторожем, неслышно, как призрак, ходившим в валеных туфлях взад и вперед по спальне и снимавшим нагар со свечей... «Как, в самом деле, легко разрешалось мое недоумение! – думал я. – Попросить прощенья – и баста! И будем мы опять жить в мире... Отлично!» Но вдруг словно темное облако набегало на эти светлые думы. «Легко сказать: попросить прощенья! А с чего я первый стану протягивать ему руку? Ведь и он обидел меня»...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.